

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Юродство в образной системе творчества Ф.М. Достоевского

Исполнитель Денисова Екатерина Эдуардовна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат филологических наук
(ученая степень, ученое звание)

Чевтаев Аркадий Александрович
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

(ученая

степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

«16» июля 2023 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБРАЗ ЮРОДИВОГО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	6
1.1. Этимология и толкование слова «юродивый».....	7
1.2. Феномен юродства в православном аспекте	10
1.3. Образ юродивого в русской литературе	16
Выводы:.....	25
ГЛАВА 2. ЮРОДСТВО И ВАРИАТИВНОСТЬ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	28
2.1. Особенности образа Сони Мармеладовой как юродивого героя	28
2.2. Юродивые черты в образе князя Мышкина в романе «Идиот».....	35
2.3.Юродивый Алеша Кармазов в диалоге иерархий Достоевского	42
Выводы:.....	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	49
БИБЛИОГРАФИЯ.....	51

ВВЕДЕНИЕ

Фёдор Михайлович Достоевский (1821-1881) – великий русский писатель-реалист, классик мировой литературы, один из самых знаменитых и читаемых русских авторов за рубежом. Достоевский оказал колоссальное влияние на мировую культуру, а некоторые считают его родоначальником целого философского течения XX века – экзистенциализма.

Часто в романах Федора Михайловича появляется интересный образ – образ юродивого героя. Это и Сонечка Мармеладова из романа «Преступление и наказание», и князь Мышкин из романа «Идиот», и Алеша Карамазов из «Братьев Карамазовых». Возможность полноценного и основательного изучения явления юродства появилась в литературе после публикации нескольких известных работ, посвященных древнерусской культуре. Например, книги Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Н.В. Понырко «Смех в древней Руси» и Г.П. Федотова «Святые древней Руси». В своих исследованиях авторы опираются на древнерусскую агиографическую литературу, устные предания и документы того времени, чтобы описать основы данного явления и предположить о реальной природе его существования, однако в рамках творчества Ф.М. Достоевского явление юродства мало изучено.

Актуальностью данной работы обусловлена необходимостью уяснить специфику художественно понимания Ф.М. Достоевским феномена юродского как одного из значительных проявлений русской национально-культурной самобытности. Образы юродивых и юродства в поэтике писателя видятся существенным параметром ценностно-смысловых представлений о сущности человека и его религиозно-нравственных устремлений.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предлагается осмысление образных характеристик юродства в системе персонажей ключевых произведений Ф.М. Достоевского.

Объект исследования – художественные произведения Ф.М. Достоевского.

Предметом исследования является – образные характеристики юродства в творчестве писателя.

Материал исследования – романы Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот» и «Братья Карамазовы»

Целью данной работы является исследование феномена юродства в творчестве Ф.М. Достоевского. Исследование будет проводиться при помощи анализа персонажей данного автора, которых традиционно относят к юродивым.

В соответствии с целью выдвинуты следующие **задачи**:

- обозначить этимологию и толкование слова «юродивый»;
- рассмотреть явление юродства в православной культуре;
- проанализировать традиционные образы юродивых из произведений русской литературы;
- выделить и аналитически описать истинных юродивых в системе персонажей романов Ф.М. Достоевского.

Для решения поставленных задач использованы следующие **методы исследования**:

- теоретические: изучение и анализ феномена юродства в его историческом, культурном и литературном аспектах;
- практические:
  - сравнительно-типологический: сравнение традиционных юродивых персонажей из произведений А.С. Пушкина, А.Н.Островского, Л.Н. Толстого с юродивыми Достоевского;
  - структурно-семиотический: осознание юродства как системы, каждый элемент которой обладает функциональной и семантической значимостью, а также для рассмотрения бытования элементов этой системы в разные историко-литературные периоды.

Теоретическая значимость определяется возможностью применения типологического анализа к явлению юродства как национальному

социокультурному и религиозно-нравственному феномену, осмысляемому в творчестве русских писателей XIX–XX веков

Практическая значимость определяется возможностью отнести того или иного героя к категории юродивого персонажа для глубокого понимания смысла вводимого персонажа в то или иное время повествования в произведение, а также для понимания точки зрения автора данного произведения. Результаты исследования могут быть использованы в процессе подготовки школьных и вузовских курсов по истории русской литературы XIX века», поэтике художественного текста, а также в рамках составления научного комментария в художественным произведениям Ф.М. Достоевского.

Работасостоитизвлечения,двухглав, заключенияи списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ОБРАЗ ЮРОДИВОГО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Юродство – это древняя форма покаянного странствия, которая существовала в России в XV-XVII веках. Хотя это явление имеет глубокие византийские корни, оно безусловно является русским феноменом, не связанным, как утверждают исследователи, ни с какой-либо другой культурой [29, с. 76].

В своем исчезающем виде как религиозное странствие, юродство во второй половине XIX века возрождается в русской литературе в качестве культурологической и психологической категории. Согласно А.М. Панченко, некорректная интерпретация данного явления, то есть видение юродивых как психически не здоровых людей, и исключение юродства из многомерности и противоречивости общественной жизни деформируют и обесмысливают духовное подвижничество юродивых. Одной из возможных интерпретаций выражения юродства является использование безумия в рамках культуры. Концепция юродства описывает сумасшествие как особое состояние личности, как описано в работах Юрия Михайловича Лотмана. Сумасшедший образ юродивого характеризуется предпосылкой Лотмана о нормативности. Поведение предсказуемо как для человека, обладающего нормальным умом, так и для слабоумного, в то время как сумасшедший получает свободу нарушения запретов, что делает его действия непредсказуемыми. В ситуациях конфликта, это оказывается эффективным, и сумасшедшие и юродивые получают возможность занимать лидирующие позиции в развитии общества. Лотмановское понимание сумасшествия в качестве формы поведения связывается с представлением о юродстве как национальной черте. В литературе второй половины XIX века, юродство находит свои уникальные проявления. С течением времени оно сохраняется как архетип в национальной культуре и последующих проявлениях в рамках демократической культуры. В Средние века, юродство приобретает свои основные характеристики, которые изначально являлись противоречивыми, и позднее осмыслились в качестве культурного архетипа русской духовной

жизни. В результате церковных реформ XVII столетия юродство перестает осознаваться как общественно-государственное явление, поддерживаемое церковными догматами, и обретает приобретает иные культурные значения, которые нам представлены в художественных текстах Ф.М. Достоевского. Исследовательская литература позднего периода изучения феномена юродства, то есть начиная со второй половины XIX века, гораздо менее позиционирована и не дает необходимых критериев для того, что отнести того или иного персонажа к юродивому. Таким образом, в данной работе мы собираемся обозначить основные признаки и функции юродивого персонажа в текстах Достоевского.

1.1. Этимология и толкование слова «юродивый»

Чтобы начать рассуждать о том, каков образ юродивого у Федора Михайловича Достоевского, нужно понять этимологию и толкование этого слова в полном объеме.

Греческое слово *σαλός*, которое переводится как «юродивый», означало просто «сумасшедший». Соответственно тот, кто симулирует помешательство, назывался «разыгрывающий сумасшествие», а делающий это из благочестивых соображений – *δια Χριστόν*, то есть «ради Христа». Постепенно слово *σαλός* утратило мирской смысл. Его стали использовать по отношению к святым, так что сочетание *δια Χριστόν σαλός* сделалось терминологическим определением специального вида святости [18, с.293].

Обратимся к самому объемному на данный момент этимологическому словарю русского языка Макса Фасмера [48, с.534]:

«Юр^одивый -др.-русс. юродивъ, начиная с XIV в., до этого — уродивъ. Согласно Соболевскому [44, с.218], связано со ст.-слав. жр^одь ѹтерѣфаносъ»

В целях сопоставления обратимся к наиболее подробному современному этимологическому словарю русского языка А.В. Семенова:

«Юродивый. Древнерусское — юродивь. В современный русский язык слово пришло из старославянского. Имеет значение: «слабоумный, психически ненормальный человек, иногда нищенствующий, по мнению глубоко верующих людей, обладающий даром ясновидения». В настоящее время слово употребляется очень редко и практически вышло из обихода. Довольно часто употребляется лишь слово «урод», которое в старославянском произносилось как «юрод». Русская — восточнославянская — форма «урод», из у- — приставки, которая означает «ущербность», «недостаток», «убыль». Йотация же возникла на старославянской почве. Родственными являются: Украинское — юродивий. Чешское — *jurodivy*. Производное: юродствовать» [43, с.343].

На основании полученных данных мы можем перейти к толкованию такого явления как юродство.

Сначала обратимся к одному из крупнейших толковых словарей — «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля:

«ЮРОДИВЫЙ, безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший; народ считает юродивых Божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предведение; церковь же признает и юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства; но в церковном же значении. Юродивый иногда глупый, неразумный, безрассудный: Пять же бе от них мудры, и пять юродивы, Матф.

Ныне более произносят: юродивый. Юродивость жен. и юродство ср. с остоянье юродивого; безумие. Принимать на себя юродство, юродиться, юродствовать, напускать на себя дурь, прикидываться дурачком, как дельвали встарь шуты; шалить, дурить. Юродить кого, делать юродивым; юродеть, становиться таким, тупеть, глупеть, лишаться рассудка. Юродствованье, действие и с ост. по гл. Юродственное житие. Юрод и юрод муж. юродка жен. дурак, дура отроду, малоумный; напустивший на себя дурь» [8, с.1143]

В определении мы видим выражение «божий человек», которое в контексте тройственного полифонического диалога требует более детального

объяснения. В литературе это понятие расширяется до того, что любой человек, выражающий в ситуации морального выбора позицию Бога, может быть назван божьим человеком. Это означает, что важно не только иметь веру в Бога, но и воплощать ее в своих поступках и решениях.

Как мы видим, Даль предлагает нам два значения слова «юродивый», где первое напитано религиозными мотивами. Обращаясь к Библии, мы видим, что в православии юродивые представляют собой страту монашеских странников и православных подвижников, бытие которых всецело сосредоточено на переживании веры в Бога. Они отрекались от самого главного отличия человека - от обычного употребления разума. Библейские юродивые совершали нестандартные вызывающие действия для того, чтобы показать людям Божью волю. Например, Осиявступил в брак с блудницею, что символизировало неверность Израиля Богу [2, с.799], или же пророкИезекиильлежал перед камнем, обозначавшим осаждённыйИерусалим, и ел хлеб, приготовленный, по повелению Бога, на коровьем помёте [2, с.797]. Мир юродивого двухплановый: для невежд - смешной, для понимающих - особо значительный [24, с.392].

Теперь обратимся к наиболее современному словарю Дмитрия Николаевича Ушакова:

«ЮРОДИВЫЙи(обл.) ЮРОДИВЫЙ, юродивая, юродивое.

1. Глуповатый, чудаковатый, безумный. «У каждого свой сказ про юродивого помещика» Некрасов.

2. в знач. сущ. юродивый, юродивого, муж. Христианский аскет безумец или принявший вид безумца и обладающий, по мнению верующих, даром прорицания (церк., рел.). Христа ради или во Христе юродивый. «Молишь за меня богу, юродивый!» Пушкин»[47, с.879].

Стоит обратить внимание, что толкование у Даля «юродивый» в значении Божьего человека стоит на первом месте, а у Ушакова уже на втором. Это показывает нам, что данное нам слово в значении «глуповатый», «безумный» начинает употребляться чаще.

Даль и Ушаков приписывают к одному из значений рассматриваемого нами слова религиозные мотивы, однако у Сергея Ивановича Ожегова это толкование уже отсутствует:

«ЮРОДИВЫЙ, -ая, -ое. 1. Чудаковатый, помешанный (разг.). 2. юродивый,-ого, м. Безумец, обладающий даром прорицания. П ж. юродивая, -ой (ко 2знач.)» [35, с.1289].

Во втором значении мы видим, что Ожегов употребляет такое категоричное слово как «безумец». Это напоминает нам о феномене атеизма в СССР. Также стоит отметить, что Сергей Иванович в своем первом толковании необходимого нам слова приписывает уже разговорный стиль, в отличие от предшественника Ушакова.

Таким образом, мы видим, что религиозные мотивы в современных толковых словарях утрачивают свое значение в интерпретации слова «юродивый», а значение «глупый», «безумный», «чудаковатый», наоборот, обретает популярность и становится главным толкованием слова.

1.2. Феномен юродства в православном аспекте

«Нравственный образец и идеал есть у меня – Христос» [2, с.800].

Федор Михайлович Достоевский был глубоко верующим человеком. Исходя из этого, для понимания смысла употребления образа юродивого в своих произведениях, нам необходимо рассмотреть это явление в православной культуре.

Юродство не признается социальным и религиозным феноменом в первые века становления христианской веры, так как сама эта новая религиозная система признается в качестве аномалии и понимается как искажение (то есть юродство) привычных религиозных верований. Так, призыв апостола Павла к его обвинителям уверовать в Воскресение Христово, вызывал характерную реакцию: «Безумствуешь ты, Павел» [2, с.1173].

В современном осмыслении юродство как социальный и религиозный феномен начинает оформляться к VIв. Сирии, чему серьезно способствовало

подвижничество Симеона Юродивого. Практиковавшиеся сирийскими христианами формы религиозного служения были достаточно экстремальными и обусловили возникновение таких явлений как «столпничество» и религиозное юродство.

Стоит отметить, что во многих древних рукописных житиях юродивые именуется «уродивыми», «уродами». Сравнивая слово «урод» со словом «выродок» можно говорить о том, что слово «юродивый» будет означать человека кинутого, выброшенного из рода, отверженного родом. Церковь этим названием показывает их отдаленность от общества и одновременно избранность[26, с. 289].

Исходя из того, что лингвисты дают слову «юродивый», как правило два значения, мы задались вопросом - Как подлинное юродство соотносится с душевными недугами, можно ли быть одновременно юродивым и больным?

Итак, согласно святоотеческой аскетике принять подвиг юродства может человек только в здравом уме. Юродивый кажется окружающим душевнобольным не для того, чтобы показать свою обездоленность, бедность, а для того, чтобы, приняв оскорбления, побороть гордость и достигнуть совершенного смирения на пути к Богу. Юродивый всегда осознает, что юродствует. Это благодатное состояние, в котором присутствуют не только усилия или способности человека, но и преображающая и содействующая сила Божия. Поэтому юродство –духовный подвиг, принятый в результате собственного осознанного выбора.

У душевнобольного человека нарушено самосознание, целостность личности, он не способен руководить своими желаниями, мыслями, волей. В отличие от юродивого, который пытается отречься от самолюбия, ведь это подвиг борьбы с гордыней. И потому совершенно невозможно быть одновременно юродивым и душевнобольным. Однако почему мы сегодня в современном русском языке имеем два значения к слову «юродивый»?

В «Алфавите духовном» сказано: «Урод есть, иже естеством уродится что каково, а юрод наречется буй и несмыслен».

Одни из первых синонимов в русском языке к слову «юродивый» – это «буй» и «похаб». В русском переводе Священного Писания «буй» передается как «безумный» [2, с.1245]. Епископ Феофан понимает под «буйством» смиренную веру, которую надо предпочитать внешней мудрости. «Буяя миру» – люди бедные, обделенные властью. Однако они противоположны тем, кто имеет многие земные блага и кичится своей «премудростью» (своей властью, своей безнаказанностью, своей ложной мудростью). Бог избрал «буев», чтобы посрамить «премудрых», которые превозносят свое знание, свою ученую мудрость выше веры в Бога, выше сердечной мудрости [17, с.42-50].

Более ста лет слово «буй» занимает мысль лингвистов. Над толкованием этого слова работали Ф. Шимкевич, А.А. Потебня и И.И. Срезневский. На основании их работ, можно сделать вывод, что буй представляется и местом для церкви, и местом для кладбища, и местом для жизни. Буй – юродивый – это святой, который охранял и живых, и умерших. Местом погребения блаженных угодников Христа ради могло быть кладбище (Николай Кочанов), пространство собора (Никола Салос, Михаил Клопский, Георгий Шенкурский), спуд церкви (Прокопий Устюжский) или то место, где были обретены святые мощи (Иаков Боровичский – на берегу реки).

Слово «буй» как одно из обозначений «юродства» в своей семантике обнаруживает значение таких форм поведения, абсурдность и эксцентричность которых носит предельный характер. Аскетизм и отступничество как жизненные стратегии юродства требуют ответной реакции окружающих, которая связана с резким отвержением и грубо-оскорбительным осуждением поведения юродивых. «Буй»-юродство обозначает такие рубежи жизненного самоосуществления человека, которые мыслятся в качестве запретных. Например, юродивый часто использует публичное обнажение с целью демонстративного утверждения пренебрежения к плотской стороне жизни и отторжения греховной телесности. Нагота юродивого могла сочетаться с ношением вериг, нелепостью внешнего облика, абсурдностью костюмных элементов

(например, использования железного колпака в качестве головного убора). Однако при этом данные внешние проявления юродства предстают как формы преодоления греха и мирских соблазнов, отказа от собственной телесности, отторжения бренной плоти, посредством которых утверждается единственная истинная ценность – подлинная любовь к Богу в ее абсолютных духовных смыслах. В русской житийной литературе о юродивых пристальное внимание уделено теме вербального пророческого контакта блаженных с царем. Слова юродивого должны были усмирить воинственные смертоносные планы руководителей, пресечь казни и убийства. Услышанное от «буя» попадало в самые глубокие «тайники души». Заведомо гневный в грубой форме призыв к монарху высмеивал государственные дела правителя, но нередко касался и его личных качеств. Насмешливое обращение уравнивало царя с народом, выводило из разряда бессмертных и ставило в один ряд с бедными грешниками. Не каждый стерпит публичное признание в грехах, поэтому многие боялись речей юродивых.

На семантическое единство слов «буй» и «похаб», то есть глупый, безумный, указывает С.А. Иванов [18, с. 292]. В современной речи «буйный» значит своенравный, непокорный, шумный. «Похабный» – бесстыдный и непристойный, отмечает А.А. Потебня [39, с.65-104]. В русском языке «похаб» (бесстыдный, наглец) и «буй» (безумец, крикун) входят в понятие «юродивый». Будем иметь в виду представленные вариации этого термина для объяснения поведения юродивых Христа ради. Юродствовать можно только во Христе, замечает И. Ковалевский, – иначе теряется смысл этого действия, и юродивый превращается в мнимо-юродивого, что не приветствуется ни церковью, ни мирской властью [25, с.18].

Приведем цитаты из иконописных подлинников, где дается описание внешности святых юродивых, какими они изображались на иконах. Соответствие буйного поведения и внешности прослеживается очень ярко. Это отражается в том, что в руках у юродивых изображены кочерги, а ноги голы.

Прокопий Устюжский, чудотворец, Христа ради юродивый (такое же описание дано и для Иоанна Устюжского):

«риза багор с плеча правого спустилась, в руке три кочерги, испод празелень, на ногах сапоги, ноги голы» [46, с.132].

По Сводному иконописному подлиннику Г.В. Филимонова: «Подобием средовек (средних лет... стар и сед), волосы на голове русы борода Козмина (длинная); рубище дико-багряное, с правого плеча спустилось, в руках три кочерги; на ногах сапоги разодраны, колена голы» [49, с.435].

Практически всегда юродивый в иконе отражает одновременно две основные позиции своего христианского подвига. Первая – духовно-молитвенная позиция: преклонение, иногда коленное, головной поклон, сакральная жестикация и т. д. Вторая – выражение сути своего неоднозначного подвига, социально - активная и вызывающая позиция. Это нагота, вериги, пронизательный взгляд и другое. Следовательно, в ранних житийных литературных (текстовых) и иконографических (изобразительных) композициях прослеживается формирование облика русского святого, выбравшего неординарный подвиг христианского смирения.

Многие пророки Ветхого Завета считаются предшественниками юродивых «Христа ради»:

«Пророк Исаия ходил нагим и босым в течение трех лет, предупреждая о предстоявшем вскоре египетском плене» [2, с.693].

«Осия вступил в брак с блудницею, что символизировало неверность Израиля Богу» [2, с.876].

Целью юродивых было побудить народ израильский к покаянию и обращению к Богу. Поучение мирян считается духовно-нравственным долгом юродивого. Тем самым, он выступал активным участником диалога, как писал Александр Михайлович Панченко: «Активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», т. е. жить в миру, среди людей, обличая пороки сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. Более того: презрение к общественным приличиям составляет

нечто вроде привилегии и неперемного условия юродства, причем юродивый не считается с условиями места и времени, «ругаясь миру» даже в божьем храме, во время церковной службы».

Русское юродство сконцентрировано в очень небольшом временном промежутке с XVI по XVII век.

В Русской православной церкви почитают 36 юродивых [33, с.36]. Первым из известных юродивых считается Прокопий Устюжский, который с территории Европы прибыл в Новгород. После того, как Прокопия за праведную жизнь стали почитать новгородцы, он начал юродствовать: «В день убо яко юрод хождаше, в нощи без сна пребываше, и моляшеся непрестанно Господу Богу» [15, с.16]. Под видом нищего калеки он спал на куче мусора и ходил по Устюгу в рубище, несмотря на то, что был богатым немецким купцом.

Одним из знаменитых юродивых при Иване IV был Василий Блаженный. В шестнадцать лет Василий оставил хозяина и мастерство и начал подвиг юродства, без крова и одежды, подвергая себя великим лишениям, отягчая теловегиами. Он бросался камнями в чудотворные иконы и спорил с грозным царем.

Еще один наиболее современный яркий пример – Ксения Петербургская, православная юродивая дворянского происхождения, жившая в Санкт-Петербурге:

Возле домов, где идет пьяный шумный пир, где все веселятся, юродивая останавливалась и плакала, а возле домов, где - горе и слезы, наоборот, улыбалась. Для большинства людей это казалось странным: у людей горе, а юродивая улыбается. Дело в том, что в первых домах творится грех, там плачут ангелы, и она плачет вместе с ними, а во-вторых домах случилось горе, люди вспомнили о Боге, чему радуются ангелы и юродивая тоже. Или же еще один пример - когда на Смоленском кладбище стали строить церковь, блаженная решила помочь рабочим. Не желая открыто проявлять свое усердие, ночью она стала тайно укладывать кирпичи на леса.

Утром же рабочие искренне удивлялись, не понимая, кто это выполняет за них такую тяжелую работу.

В XVII в. юродивые встречаются реже, и московские уже не канонизируются церковно. Юродство, как и монашеская святость, локализуется на севере, возвращаясь на свою новгородскую родину.

Значительное влияние в светском обществе Санкт-Петербурга с 1901 по 1911 год имел юродивый Митя Козельский (получил известность также как Митя Коляба, Митя Гугнивый, настоящее имя — Дмитрий Попов). Он пользовался доверием императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны. Доктор философских наук Андрей Григоренко характеризовал его как «глухого и немого, полуслепого, кривоногого человека с кривым позвоночником и с двумя обрубками вместо рук» [4, с.130]. После удаления от двора Митя Козельский стал ярким противником Григория Распутина. Среди других «мистических друзей» императорской семьи, которые воспринимались обществом как юродивые, выделялись Вася-босоножка, Паша Саровская, Матрона Босоножка и Дарья Осипова.

Таким образом, говоря о сущности юродства в православной культуре, можно сказать, что юродивый, сознательно доводя себя до самого низкого, что только может быть в этом мире, усмирять свою гордыню и, как это ни парадоксально, совершенствовал себя в духовном плане. Юродивый осознанно вел отступнический образ жизни, прибегая к такому образу жизни ради Христа, который кажется «безумным» для обычного человека. Именно поэтому, юродивый и является дураком для простого обывателя. Следовательно, поэтому спустя время у слова «юродивый» укоренилось новое толкование в словарях в значении — «безумный», «чудаковатый», «глуповатый».

1.3. Образ юродивого в русской литературе

Взгляд исследователей на произведения русской литературы существенно изменился в связи с усилением интереса к роли традиционных духовных основ православия. Образ юродивого можно было встретить в житиях, но более устойчиво этот тип героя укоренился только в XIX веке, до этого времени еще силен был авторитет церкви, поэтому представить почитаемый тип юродивого в неканоническом, а эстетически сформированном варианте было сложно.

В литературном мире юродивым сродни «лишние» люди - Печорин из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Онегин из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Они, как и юродивые, видя «ошибки» общества, не смирялись с ними, а пытались осмыслить их и обличить, порою высказывая вольные мысли в отношении государственных правителей, отдельных исторических фактов и личностей. Их также не понимали и не принимали в своем окружении, они были изгоями, порою предметом насмешек. Они были лишними среди своих людей. Чтобы не признавать правду из уст «лишних», их пытались объявить сумасшедшими, старались изолировать их от общества, отправляя куда-нибудь по «государственным» делам, подальше от народа. Ведь это были не душевно больные, а умные, здравомыслящие люди, которые обнажали пороки общества.

Историк Василий Осипович Ключевский считает, что русский юродивый был «ходячей мирской совестью, живым образом обличения людских пороков» [24, с.390]. И юродивые, и «лишние» люди во имя народа вскрывали нарывы общества, обращали на них внимание всех жителей государства. Их гнала власть, а народ любил.

Одним из первых к образу юродивого обратился Александр Сергеевич Пушкин в трагедии «Борис Годунов». Неспроста именно этот великий, значимый для всего литературного мира автор впервые в русской публицистике взялся за такой сложный образ. Создав своего героя, Николку, Пушкин дал почву для появления Лукерьи из «Живых мощей» И.С. Тургенева, Ивана Северьяновича Флягинина из «Очарованного странника» Н.С.

Лескова и других. Для раскрытия духовно-нравственной стороны образа Годунова поэту понадобилось создать сцену с участием юродивого Христа ради, который обличает его тайные дела:

«Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича» [40, с.118].

Святость Николки резко выделяет пушкинского героя среди других обличителей (Пимена, лукавого Шуйского) и поднимает его на качественно иной уровень.

И.В. Мотеюнайте очень точно отмечает, что «в произведении нет оценки николкиных слов, чем персонаж возводится на недостижимую высоту: он вершит суд, провозглашая объективную Истину, и адекватное восприятие его не требует никаких дополнительных условий» [32, с.112].

Для создания образа юродивого Истории государства Российского и летописей было недостаточно. Николай Михайлович Карамзин пишет о юродивом Иоанне, именуемого в народе Большой колпак, современнике Бориса Годунова: «Тогда же был в Москве юродивый, уважаемый за действительную или мнимую святость: с распущенными волосами ходя по улицам нагой в жестокие морозы, он предсказывал бедствия и торжественно злословил Бориса; а Борис молчал и не смел сделать ему ни малейшего зла, опасаясь ли народа или веря святости сего человека. Такие юродивые, или блаженные, нередко являлись в столице, носили на себе цепи или вериги, могли всякого, даже знатного человека укорять в глаза беззаконною жизнью...» [21, с.378]. Это описание напоминает нам об идентичных уже рассмотренных отношениях Ивана Грозного и Василия Блаженного. Пушкин просит В. А. Жуковского: «нельзя ли мне доставить или жизнь, или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьих Минях — а мне бы очень нужно» [41, с.11].

Поведение юродивого героя отличается тем, что носитель его получает дополнительную свободу в нарушении запретов, он может совершать поступки, запрещенные для «нормального» человека. Это придает его

действиям непредсказуемость[31, с.65]. Так и Николка по прозвищу «Железный колпак», прототипом которого является Иоанн Большой Колпак, является в сцене «Площадь перед собором в Москве», где вершит суд над царём, так сказать «ругается миру», подобно библейскому юродивому, и это важнейший момент трагедии. Николка обвиняет Бориса в убийстве царевича Димитрия, даёт ему имя убийцы и мучителя царя Ирода, произносит слова дерзкие и страшные, какие мог произнести только юродивый - носитель совести православного народа в облики бродяги и безумца [1, с.127-128].

Замысел столкновения царя Бориса с юродивым можно найти уже в самом раннем наброске плана трагедии Александра Сергеевича:

«Годунов в монастыре. Толки князей — вести — площадь, весть об избрании (Годунов. Юродивый) — Летописец...»

Хотя Николка и не выведен автором как отдельный персонаж и не обозначен среди действующих лиц пьесы, однако, благодаря образу юродивого, А. Пушкин смог создать не историко-политическую, а духовно-нравственную трагедию. Обличая царя Бориса как убийцу царевича Димитрия, юродивый Николка указывает на главную причину постигших страну бед. Царь Борис обречен - за него нельзя даже молиться. Святой открыл то, что давно мучило Бориса Годунова как страшное предчувствие:

«Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе»

Таким образом, отечественные литературоведы на основании описания юродивого А.С. Пушкиным в своей трагедии предложили следующие аналитические толкования этого образа:

«Представитель демократической массы» (о Николке из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов») у Г.А. Гуковского [7, с.33];

«Глас народа» и «обличитель Бориса» у Л.П. Гроссмана [6, с.262];

«третье из лиц, представляющих в трагедии Высшую правду» у В.С. Непомнящего [34, с.205];

«Совесть народа» у Н.Ф. Филлиповой [50, с.63];

«Выразитель нравственного чутья народа» у Ю.М. Лотмана [30, с.198].

Большее внимание образу юродивого уделяли во второй половине XIX века. Причин интереса к подобному герою можно выделить несколько, но главная – поиск национальной идеи, народного героя в переходную эпоху.

Ориентация А.Н. Островского на «Бориса Годунова» при создании «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского» (1866) общеизвестна и подтверждена высказываниями самого драматурга. В драме мы видим, что юродивый вводится в пьесу в момент, который можно назвать «народ в неведении»: одни радуются приходу Самозванца, считая его действительным царевичем, другие сомневаются в этом, третьи, наиболее стойкие в вере, склонны считать его явление наказанием Божьим и видеть в нём предвестие антихристового прихода. Наиболее распространённая форма речи здесь – вопросы и размышления. Юродивый этим колебаниям и сомнениям не причастен. Ему дано знание и выражает он его со свойственной юродивым краткостью и ёмкостью; на приглашение садиться он отвечает; «Антихриста боюсь» [36, с.243].

Интересующие нас образы у Островского более идеологичны и менее историчны, они больше говорят о том, как воспринимается юродство автором, чем об исторических юродивых. Очевидно, Островский ориентировался в данном случае не столько на конкретные документы, сколько на житейский опыт и интуицию.

В монологе Минина первой редакции драмы «Козьма Захарыч Минин - Сухорук» Гриша называется «Божьим человеком», «убогим», «сиротой», «нехитрым разумом» («слабым умом»), «богомольным», «очарованным красотой мира странником и богомольцем». Именно этот комплекс черт являет собой деревенский «блаженненький» или странник-богомалец. Еще одним значимым отступлением от представлений о подвижничестве становится тот факт, что Гриша, по перво известен в городе как юродивый уже ребёнком. Между тем всё, что говорилось о юродстве как о подвиге, свидетельствует о невозможности подобной ситуации [37, с.43].

Если общая эмоциональная окрашенность и композиция сцен у Островского схожи с пушкинской, то образы юродивых различаются: Николка отчётливей выражен и резче противопоставлен окружению. В «Борисе Годунове» нет оценки Николкиных слов, чем персонаж возносится на недостижимую высоту: он вершит суд, провозглашая объективную Истину, и адекватное восприятие его не требует никаких дополнительных условий. Гриша же может быть до конца понят только зрителем, поскольку он лишь предсказывает события. Чтобы оценить верность предсказания, надо знать будущее (по отношению к персонажам), окружающим далеко не всегда внятны смысл юродских высказываний, и отношение к нему колеблется от угроз до преклонения.

В образах Островского выявлена наиболее природная, интуитивная сторона в ощущении божественной правды. Его юродивые ближе к деревенским «блаженненьким», чем к святым. Автор в этом вопросе словно стоит на позиции своих героев, воспроизводя в образе юродивого народное представление о явлении. Это существенно отличает его от Пушкина.

Различие восприятия юродства, вытекающее из разницы толкования самого образа народа, видимо, связано с изменением культурной ситуации. 1860-е годы - время выделения понятия «народ» в понятии «нация» и создания мифологемы народа, столь значимой для русской литературы второй половины XIX века.

Таким образом, принципиально различной в толковании образов юродивого Пушкиным и Островским становится их связь с народом. На уровне тенденции, неизбежно схематизирующей явление, слепота народной массы, выявляемая обоими драматургами с помощью образа юродивого, - это разного качества слепота. У Пушкина народ способен на грех, преступление, ошибку, и, следовательно, покаяние, духовное прозрение. У Островского народ может не знать, сомневаться в правильности поступка в данный конкретный момент времени, но вряд ли способен духовно ошибаться. Возможно, поэтому функция обличения, подчёркнутая Пушкиным в Николке,

не проявлена в пьесах Островского. Юродивый Пушкина - носитель абсолютного высшего начала (Совести, Бога, Суда, Истины). Юродивый Островского-выразитель народного духа, осознаваемого как носитель истины. И ориентация Островского в изображении юродивого на народное восприятие, и композиционная роль образа, и его идеологическое осмысление соответствуют задаче драматурга показать рост народного самосознания («Козьма...») и роль народа в истории («Дмитрий Самозванец...»).

Лев Николаевич Толстой одним из первых в литературе описал более светский тип юродивого по сравнению с агиографической моделью. В автобиографической повести «Детство» показан образ святого юродивого бродяги Гришки, живущего в их семье. Он ходит босиком, с цепями на теле, речь его тоже сложна обывателю, пророчества сбываются. Но при этом он живет в богатой семье, взаимодействует с ее членами, не создает «бунтов», по крайней мере, в рамках повествования. Также впервые показана не страх этого явления со стороны окружающих, а ирония и формальный подход. Так отец семейства, говоря о юродивых, в шутку высказывает свое мнение, что их надо сажать в полицию за то, что они действуют девушкам на нервы.

Образ Гриши отражает различие духовных и культурных ценностей матери и отца. Это видно на примере внешних деталей: мать видит вериги на ногах, а отец — грязные ноги, вид которых не позволяет главе семейства есть. Европейски настроенный отец не понимает и не принимает юродивого.

Душевно тонкая и впечатлительная мать, наделенная искренней религиозностью, юродивых, наоборот, привечает, и ей дано понять речь Гриши. Придя в дом, он предсказывает горе, причем предсказание повторяется дважды. Значимо почти незаметное изменение формы слова (с множественного числа на единственное «улетят» — «улетит») и обращение в формулировках к прозрачному фольклорно-христианскому образу птицы (голубя). Не названные птенцы (дети) действительно улетают из гнезда

(отъезд в Москву), а ангельская душа матери на самом деле покидает ее земную оболочку.

Таким образом, Лев Николаевич Толстой использует образ юродивого для выяснения нравственной состоятельности своих героев, а также определяет их укорененность в национальной культуре. Юродивые, в своей эксцентричности и непредсказуемости, становятся зеркалом для героев, отражая их внутренний мир и их отношение к вере. Для Толстого, очевидно, юродство было «одним из характернейших явлений русской народной религиозности» [27, 243]. Толстой исследует вопросы веры, морали и духовности через этих эксцентричных персонажей, помогая нам лучше понять роль религии в жизни людей и их связь с национальной культурой. Таким образом, отношение героев к юродивому не только позволяет нам увидеть их религиозность, но и раскрывает глубину их связи с русской культурой.

Также в произведении есть эпизод моления юродивого Богу, за которым с интересом наблюдают дети. Главным впечатлением оказывается сила веры, а также естественность молитвы - «слова сами собою лились из уст твоих — ты их не поверял рассудком». Эта сцена служит образом приобщения Николеньки к религии.

Лев Николаевич, проводя всю жизнь «в поисках Бога», пытался понять истоки святости. Две основные черты юродства, ставшие для него вехами духовного развития — «нравственное самоумаление (притворная безнравственность) и осмеяние мира». Именно они сыграли самую главную роль в понимании принципа непротивления злу насилием. Л. Н. Толстой придерживался христианского канона, когда создавал тип своего юродивого «Ради Христа».

Эта сцена молитвы, привлекающая внимание писателей исследователей, уникальна для XIX века. Она изображает героя, являющегося юродивым, что делает ее почти уникальной в литературе того времени. Юродивые всегда привлекали внимание писателей своим странным поведением и

взаимоотношениями с окружающими. Они представляли собой интересный объект для полемики и обсуждений. Взгляд Льва Толстого на юродивого в его произведении был особенным и отличался от других. Главный герой, Гриша, существует в мире повести как индивидуальность, а не как представитель определенной группы людей. Это подчеркивается изменением названий глав, которые задают композицию образа: сначала он называется «Юродивый», а затем его имя – «Гриша» - становится более индивидуализированным. Таким образом, Толстой стремился подчеркнуть уникальность своего героя. Молитва Гриши является ключевой сценой в повести. Она позволяет нам заглянуть в его душу и понять его внутренний мир. Молитва становится проявлением его веры и отношения к Богу. Через эту сцену Толстой передает свое видение юродивого и его специфическую религиозность. Юродивый Гриша становится символом не только для своего времени, но и для всего произведения. Он отражает сложность и противоречивость человеческой природы, а также важность веры и религии в жизни каждого человека.

Таким образом, сцена молитвы героя в произведении Льва Толстого является уникальной и самобытной в контексте литературы XIX века. Она позволяет нам лучше понять героя и его отношение к миру, а также подчеркивает важность религиозности и веры в жизни каждого человека.

В создании образа юродивого Толстого есть еще одна отличительная черта. Социальная функция юродства как подвига Христа ради была значима для А.С. Пушкина и Н.С. Лескова, и была актуальна для религиозных авторов при интерпретировании смысла подвига юродства. В эпизоде, где на Гришу спускают собак, мы видим, что он не судит никого и ничему не учит. Это схоже с поведением юродивого Островского, который также не стремится морализировать или наказывать людей. Однако, у юродивого Толстого есть особенность - его поведение описывается глазами ребенка, который с одинаковым вниманием рассматривает как предметы, так и людей. Это придает ему свою особую непринужденность и нежность. Возможно, Толстой не ставил перед собой задачу активно обличать несправедность мира через

образ юродивого, а его целью было создать живой искренний образ, который был бы близким и понятным для читателя. Таким образом, он не нагружал своего героя идеологическими установками, а сконцентрировался на описании его уникального поведения и взгляда на мир. Возможно, Толстой хотел показать, что юродивость не обязательно должна быть связана с обличением и наказанием. Он представляет юродивого как человека, способного просто быть самим собой, без стремления изменить окружающую действительность. Возможно, в этом заключается его особая сила - способность просто принимать мир таким, какой он есть. Таким образом, хотя черта обличения несправедности мира не развита полностью в образе юродивого Толстого, его уникальное поведение и взгляд на мир придают ему особую привлекательность и глубину. Он становится символом простоты, непринужденности и способности принять мир таким, какой он есть.

Итак, сама идея юродства прочно укрепилась в русской литературе как отражение национально-исторических особенностей нашей страны – в связи с противостоянием власти и народа, а также с кризисом веры, сохраняющейся все больше в массовом национальном сознании. А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой и А.Н. Островский, пытаются проникнуть в мотивы явления юродства, осмыслить его эстетически и философски в отличие от жития и литературы XVIII века, изображающей юродство как факт. Юродство привлекает внимание писателей как форма индивидуального протеста. Классики вводят новые типы юродивых в литературе - выразителя народного мнения, «народной совести» и роль праведника. Пушкин, Толстой и Островский использовали образ юродивого не только, чтобы осветить религиозное подвижничество, но и с целью показать культурное пространство России.

Выводы:

В первой теоретической главе выпускной квалификационной работы мы рассмотрели феномен юродства в его языковедческом, культурологическом и литературоведческом развитии. Обозначив этимологию и толкование слова «юродивый» можно сделать вывод, что оно приобрело новое современное значение в разговорной лексике (глуповатый, чудаковатый), хотя ранее рассматривалось только с религиозной стороны (христианский аскет безумец, пророк). Чтобы разобраться в религиозном значении слова и понять почему оно обрело новый смысл, мы рассмотрели феномен юродства в православном аспекте, и сделали следующие выводы: Во-первых, юродивый, который кажется окружающим душевнобольным, юродствует не для того, чтобы проявить свою обездоленность, а для того, чтобы побороть гордость, принять оскорбления и достичь совершенного смирения на пути к Богу. Юродивый всегда осознает, что он юродствует. Это благодатное состояние, где присутствуют не только усилия и способности человека, но и сила Божия, которая преображает и содействует. Поэтому юродство - это духовный подвиг, принятый в результате собственного осознанного выбора. От непонимания окружающими людьми этой аскезы, юродивый зачастую осуждался и был не понят, отчего и стал «чудаковатым безумцем». Во-вторых, стоит отметить, что юродство возникло задолго до раскола христианской церкви на католическую и православную, но оно никогда не было характерно для западных земель. Вначале этот феномен был присущ византийской религиозности, а позднее – русской. С XIV века юродство стало исключительно русским явлением, поскольку в Византии оно постепенно угасло. В-третьих, конкретные исторические социальные условия способствовали довольно широкому распространению этого христианского акта на Руси. Концепция «юродства Христа ради» являлась одной из форм социального протеста. Ни одна страна не представляла миру столько юродивых и почтения к ним, как Россия. В течение мучительной истории русского народа, ему редко предоставлялась возможность свободно высказывать свои потребности и стремления. Только в моменты массовых

движений и возмущений народ мог провозгласить свои требования во всеуслышание, внимательно слушая бесстрашные слова своих лидеров. В большинстве случаев, однако, подавленный господствующим классом и его аппаратом насилия, оцепенев под властью стандартной церкви, народ молча отступал. Но даже проявляя молчание и покорность, безропотную податливость и неистощимое терпение, народ всегда находил скрытые пути для выражения своих интересов и социального протеста. Через такие скрытые пути просачивался в народное сознание разнообразный письменный и устный материал: запрещенные и преследуемые, но неисчезающие апокрифические легенды и еретические произведения, а также загадочные пословицы и поговорки, сумрачные слухи и утонченные аллюзии. На этой основе Александр Сергеевич Пушкин создает своего юродивого героя Николку в трагедии «Борис Годунов». Использование традиционных юродивых персонажей у А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и А.Н. Островского несомненно связано с образами блаженных юродивых святой православной церкви. Их связывает проповедь слова Божьего и принципов христианской совести, пророчество о будущем наказании за грех, общая борьба с бесами, гордостью и самолюбием, отказ от права на человеческий ум, культивизация душевной чистоты, осуждение зла. Главным отличием русской литературы XIX века выступает отсутствие презрения люда к юродивому.

Данные исследования помогут нам проанализировать истинных юродивых персонажей Ф.М. Достоевского.

ГЛАВА 2. ЮРОДСТВО И ВАРИАТИВНОСТЬ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

2.1. Особенности образа Сони Мармеладовой как юродивого героя

В XIX веке представления о юродстве из сферы социокультурных практик формирования литературных образов переходят в область постижения и интерпретации авторских точек зрения на мир, воплощаемых в художественном творчестве. Особенно важным это становится в попытках понять личностную позицию и мировоззрения Ф.М. Достоевского. В своем «Дневнике писателя» писатель вступает в полемику с теми представителями общественной и литературной мысли, которые считают, что «русский народ поверхностно исповедует Христа и не имеет представления о сути христианства» [9, с.44]. По мысли Ф.М. Достоевского, напротив, для русской ментальности характерно уважительное и ценностно положительное восприятия юродства. В юродивых русский народ обнаруживает символ л слабых и приниженных, которые в конечном счете будут вознесены Богом. Это свидетельствует о глубокой вере русского народа и его стремлении к духовности.

Термины «юродивый», «юродство» и «юродствовать» занимают значительное место в художественных произведениях Достоевского, а его широкое понимание и толкование этих понятий являются характерными чертами его творчества. Юродивый герой Достоевского, подобно юродивым Древней Руси, придерживается той Правды и нравственного закона, которые остаются неизменными с древнейших времен. Леонид Петрович Гроссман также определял творчество Достоевского, как «шествие к далекой и ускользающей правде сквозь сложные нагромождения столкнувшихся сомнений и верований» [5, с. 64].

Для Ф.М. Достоевского феномен юродство представляет собой «экстраординарное состояние духа человека, дерзающего сказать то, о чем другие молчат» [42, с. 139], а также «простодушие, бескорыстие, честность, доброта, кротость, совестливость» [42, с.139].

Данное определение позволяет нам вспомнить Сонечку Мармеладову, - ту самую смиренную, всепрощающую, открывающую нам свою правду, героиню «Преступления и наказания».

Соня Мармеладова: истинная христианка и символ добра. Мы узнаем о её несчастной судьбе, о том, как она стала жертвой для своего отца, мачехи и их детей. Соня решила продать себя, чтобы поддержать свою семью, но она не требует никакой благодарности или сочувствия. Она принимает свою судьбу без обвинений в адрес Катерины Ивановны и просто смиряется с ней. Поведение и жесты этой героини романа носят открытый и нравственно искренний характер. Соня Мармеладова демонстрирует подлинный поведенческий альтруизм, так как все ее поступки нацелены на ближних – мачеху, сводных сестер и братьев, и на – желание помочь Родину Раскольникову осознать свой грех и раскаяться в нем. Этот женский персонаж в романе «Преступление и наказание» предстает образом подлинной праведности и христианского подвижничества, что отчетливо эксплицируется в сцене признания. Соня здесь являет собой воплощение веры в Бога и потому не способна воспринять концепцию Раскольникова, основанную на презрении к человечеству и утверждении сверхчеловеческого торжества отдельных личностей над другими людьми. Для Сони все люди равны, и они все будут судиться Всевышним. Нет никого на земле, кто имел бы право осуждать других или решать их судьбу. Соня призывает Раскольникова к раскаянию и соглашается нести его крест, помогая ему обрести истину через страдания. Героиня романа, в образе которой подчеркнуты доброта, бескорыстие и любовь к миру и людям, принимает такой удел для себя, так как он согласуется с ее представлениями о христианском гуманизме. Образ Сони Мармеладовой оказывается отчетливой антитезой по отношению к образу Раскольникова и его идеологии торжества сильных над слабыми. Жизненная и религиозная позиции героини становятся воплощением воззрений самого Ф.М. Достоевского, то есть утверждают веру писателя в всепрощение,

смирненное отношение к жизни и его веру в справедливость, всепрощение и смирение и божественную справедливость. Писатель посредством образа Сони Мармеладовой художественно манифестирует любовь к человеку как Божьему творению в качестве истинной и высшей ценности.

Наиболее подробно хочется остановиться на 4 части 4 главы романа, в которой Родион Романович Раскольников называет Сонечку юродивой. Он приходит к Мармеладовой, чтобы признаться ей в убийстве. Он хочет рассказать именно ей, потому что считает Соню преступницей, падшей женщиной. После разговора с ней Раскольников меняет свое представление о Соне. Он узнает, что героиня отдала себя в жертву ради своих родных. Теперь Соня для него – юродивая. Однако в устах атеиста Родиона это слово имеет значение не юродивого «Христа ради», а то самое второе более современное толкование из словаря – «чудаковатый», «сумасшедший», ведь герой считает её поступок глупым, непонятным ему.

После диалога с Соней, Раскольников направляется к выходу, видит Евангелие в хорошем старом переплете на комодике и узнает, что его принесла Лизавета. Это показалось ему странным – «Все у Сони становилось для него как-то страннее и чудеснее, с каждой минутой». Раскольникову, захваченному идеологией индивидуализма и избранности, странно видеть поведение Сони и слышать её слова. Он недоумевает, и в то же время его мучает внутренний разлад. Герой, сравнивая себя с Соней, говорит о возможности самому оказаться «на седьмом километре». Это было место первой в России психиатрической больницы, созданной Кащенко.

Стоит отметить, что после этого Раскольников просит прочитать притчу о воскрешении Лазаря. Это библейская притча о том, как Иисус Христос воскрешает своего умершего 4 дня назад друга, но не потому, что он сын Божий, а потому, что в это воскрешение все поверили. Герой попросил прочесть именно эту притчу, потому что в его атеистической душе все же есть капля надежды на воскрешение собственной души и избавления от греха. Соня не понимала зачем читать этому богоборцу слово Божье, она

очень робела, но, дойдя до момента воскрешения, ее голос стал звонким, ровным, крепким. Она поверила, что душу Родиона можно исцелить, можно помочь ему прильнуть к Богу. И чудо произошло, Раскольников отныне готов нести эту ношу и следовать уготованным страданиям на пути к воскрешению души. И это стал уже не тот Раскольников, которого мы знали ранее. Это то самое недостающее звено между преступлением и наказанием – признание своей вины, готовность признаться и нести наказание. Таким образом, воскрешение Лазаря – это воскрешение Раскольникова. А Соня – проводник на путь истинный, что делает её юродивой «Христа ради», как и задумал Федор Михайлович Достоевский.

Что касается одежды Сони – она обычно в наряде дамы с желтым билетом. Однако «весь этот позор, очевидно, коснулся её только механически; настоящий разврат ещё не проник ни одной каплей в её сердце» [10, с. 247]. Героиню Достоевского совершенно не интересует то, что на ней надето. Древнерусские юродивые ярко демонстрировали свое безразличие к одежде, - это совсем не составляющая часть образа. Таким образом, Соню не опошляет ее облачение, ее святость в ее душе.

Соне, как и традиционной юродивой свойственно природное чутье и провидение, ведь она еще до признания Раскольникова знала кто убил старуху-процентщицу: «Даже потом, впоследствии, когда она припоминала эту минуту, ей становилось и странно и чудно: почему именно она так сразу увидела тогда, что нет уже никаких сомнений. Ведь не могла же она сказать, например, что она что-нибудь в этом роде предчувствовала? А между тем теперь, только что он сказал ей это, ей вдруг и показалось, что и действительно она как будто это самое и предчувствовала» [10, с. 316].

Еще одного героя-юродивого мы можем наблюдать в романе «Преступлении и наказании» - сводную сестру старухи-процентщицы – Лизавету: «Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная девка, чуть не идиотка, тридцати пяти лет» (мнение Раскольникова).

Также стоит обратиться к разговору молодого офицера и Раскольников в трактире о Лизавете:

«-Да ведь ты говоришь, она урод? - заметил офицер.

-Да, смуглая такая, точно солдат переряженный, но знаешь, совсем не урод. У нее такое доброе лицо и глаза. Очень даже. Доказательство - многим нравится. Тихая такая, кроткая, безответная, согласная, на все согласная. А улыбка у ней очень даже хороша» [10, с.54].

Таким образом, внешность Лизаветы, которую можно охарактеризовать как «телесное убожество», служит контрастом к ее духовной красоте и подчеркивает ее внутреннюю духовную силу и глубину. Внешняя непривлекательность вместе с добротой и кротостью становятся атрибутами юродства.

Лизавета, имя, которое Достоевский выбрал для своих героинь, имеет особое значение. С его еврейского происхождения оно переводится как «Почитающая Бога». Это имя становится знаком «юродства», «святости в грехе» и мотивов жертвенности, искупления и материнства для множества персонажей, помимо Лизаветы из «Преступления и наказания», в романах Федора Михайловича есть следующие образы: Лиза из «Записок из подполья», Лиза Тушина и Лизавета-мученица из рассказа Марьи Тимофеевны Лебядкиной в «Бесах», Лиза Хохлакова и Лизавета Смердящая из «Братьев Карамазовых».

В описании Сони и Лизаветы есть одна немаловажная черта - детскость. В образе сестры старухи-процентщицы мы находим эту деталь в сцене убийства Родионом Романовичем Алёны Ивановны: «Он бросился на нее с топором: губы ее перекошились так жалобно, как у очень маленьких детей, когда они начинают чего-либо пугаться, пристально смотрят на пугающий их предмет и собираются закричать» [10, с.65]. Также стоит отметить, что именно через эту детскую наивность связаны образы Сони и Лизаветы в глазах главного героя. Во время признания Соне в убийстве Раскольников неожиданно узнает в Соне лицо Лизаветы: «И как только он

сказал это, опять одно прежнее, знакомое ощущение оледенило вдруг его душу: он смотрел на нее и вдруг в лице ее как бы увидел лицо Лизаветы. Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он приближался к ней тогда с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперед руку, с совершенно детским испугом в лице, точь-в-точь как маленькие дети, когда они вдруг начинают чего-нибудь пугаться, смотрят неподвижно и беспокойно на пугающий их предмет, отстраняются назад и, протягивая вперед ручонку, готовятся заплакать. Почти то же самое случилось теперь и с Соней: так же бессильно, с тем же испугом, смотрела она на него несколько времени и вдруг, выставив вперед левую руку, слегка, чуть-чуть, уперлась ему пальцем в грудь и медленно стала подниматься с кровати, все более и более от него отстраняясь, и все неподвижнее становился ее взгляд на него. Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на нее, почти даже с тою же детскою улыбкой» [10, с.315]. Достоевский мастерски применяет зеркальную сцену в романе, доводя ее до прямых повторов слов. Схожесть Сони и Лизаветы выделяется через один и тот же «детский жест». Эти героини часто используют жесты, где эмоциональное напряжение оправдывает бессловесную реакцию. Эта черта характерна для юродивых: «Язык юродивых - это по преимуществу язык жестов» [29, с 98]. Жест Сони и Лизаветы отражает первоначальную и подлинную реакцию на события, свойственную детям. Эта «наивность» и «неразумность» весьма важны для понимания образа героя-юродивого у Достоевского. Уязвимость и слабость тела, необходимость в сопровождении и защите сочетаются с простодушием, невинностью, безгрешностью - все это особенности юродивых. Евангелие тому подтверждение: «Блаженны дети» и «Блаженны нищие духом». Исследователь Юрий Федорович Карякин писал: «Найти «в человеке человека» для Достоевского значит, помимо всего прочего, еще и найти в нем ребенка» [22, с.140].

Отношение к юродивым, представленным в романе «Преступление и наказание», является ключевым показателем этических и моральных установок главных героев. В то время как Аркадий Иванович Свидригайлов обращает внимание на контраст между собой и несравненной юной девочкой, испытывая наслаждение от такой разности в возрасте и развитии, у Раскольникова появляется сострадание и сочувствие к образу юродивых. Не случайно в кошмаре он вспоминает об этих несчастных душах: «О, как ненавижу я теперь старушонку! Кажется бы, другой раз убил, если б очнулась! Бедная Лизавета! Зачем она тут подвернулась!... Странно, однако ж, почему я об ней и не думаю, точно и не убивал?... Лизавета! Соня! Бедные, кроткие. С глазами короткими!... Милые!... Зачем они не плачут? Зачем они не станут?... Они все отдают... глядят кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня!» [10, с.212].

Исследователь Григорий Соломонович Померанц выдвигает еще одну важную особенность образа юродивого: «путь, через который проходит герой Достоевского - это испытание крестом. Чуткость юродивых восстанавливала первоначальный смысл, первоначальный облик распятия: святости сквозь позор». Испытанием позором проходит Соня, работая по желтому билету ради детей, Лизаветы, соглашаясь на все в связи с беременностью. И тем не менее обе являются глубоко верующими христианками: «Именно святость сквозь позор, святость юродская выходит у Достоевского непобедимо захватывающей» [38, с.160].

Именно «парадоксальная святость» отличает Соню и Лизавету, как юродивых. Александр Михайлович Панченко справедливо замечает: «зрелище юродства дает возможность альтернативного восприятия. Для грешных очей это зрелище - соблазн, для праведных - спасение» [29, с.154]. Исследователь Татьяна Александровна Касаткина отрицает жертвенность как добродетель во благо, настаивая на «принципиальной нежертвенности лизаветиного бытия». Она считает, что «жертвуя, нельзя спасти человека, ибо, жертвуя, отдаешь ему не то, что ему

по-настоящему нужно, а только то, что смог отдать. Поэтому жертва это всегда очень мало, даже великая жертва. Это гораздо меньше милости, находящей и отдающей именно то, что нужно другому. Так, Соня жертвой никого не спасает; но милостью и любовью спасает самого великого грешника в романе» [23, с.188]. Однако такое понимание жертвенности полностью противоречит христианским меркам, отрицает его, так как обесценивает и жертвенность Христа. Жертвенность предполагает расставание с чем-то дорогим, чем-то, чего трудно лишиться - иначе это не жертва. И разве скорбные слова Христа на кресте «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» не свидетельствуют о том, что чего-нибудь стоила эта жертва и для Самого Христа, и для Бога-Отца, и для людей.

Таким образом, у Сони и Лизаветы мы можем наблюдать следующие характеристики, которые соответствуют традициям «канонических» юродивых: несмотря на стыд и унижение, пройдя через позор, они обладают святостью; они готовы принести в жертву самих себя и придерживаются христианских ценностей; их внешность не отличается благопристойностью, они живут в нищете и используют жестовый язык, в то время как общество отвергает их и считает их маргинальными. Однако, Достоевский, переосмысляя эти черты, придает им собственное понимание художника: во-первых, агиографическая литература не содержит упоминаний о женщинах-юродивых; во-вторых, Достоевский рисует образ юродивого в лице блудницы; в-третьих, обе героини не связаны со смеховой культурой, они не осуждают никого, не порицают мир и не представляют «странное и чудное зрелище».

2.2. Юродивые черты в образе князя Мышкина в романе «Идиот»

В мире Достоевского «чудак», как и «идиот», синонимы слову «юродивый». Юродивый герой воплощает в себе этическое и эстетическое [19, с.152]. Это тот «положительный герой», в образе которого автор стремится «выразить теплоту», используя его для высказывания важнейших

своих идей. Такой герой должен симпатизировать. Для этого Достоевский использует комизм и наивность, искренность и нравственную чистоту, граничащие с инфантилизмом и безумием. В работе В.В. Иванова «Безобразии красоты» исследователь обращает внимание на «юродское жесто» или «юродствование» в поведении героев Достоевского, которое связано с шутливостью и комичностью [20, с.243]. Он утверждает, что трагизм переживаний героев связан с их юродством, которое характеризует их сознание. Одним из таких персонажей является князь Лев Николаевич Мышкин из романа «Идиот» (1867г.). В произведении герой описан как человек тихий, простодушный, смиренный; другим он кажется чужаком. Когда во второй главе 1 части романа герой приходит к Епанчиным, слуга не сразу докладывает о его прибытии. Простота и открытость князя навели лакея на мысль, что перед ним «дурачок». Мышкин «не от мира сего», и потому он непонятен этим миром. Его доброта, нравственность, смирение противопоставляют Льва Николаевича другим персонажам романа.

Князь Мышкин - фигура, олицетворяющая святость и милосердие, которая явилась в Россию с целью проповедовать доброту, прощение и понимание. Его речи и поступки направлены на спасение человеческих душ, и он верит, что если бы все люди были добрыми, мир был бы спасен. Однако его путь к спасению не легок, особенно когда его встречает Настасья Филипповна Барашкина, чья душа становится центральным фокусом сюжета. В этой борьбе за душу Настасьи Мышкину противостоит сам сатана, воплощенный в Парфене Рогожине.

И все же даже этот святой человек находит в себе любовь к духу сатаны. Князь Мышкин также выражает свою позицию против насилия и критикует католическую церковь за свои взгляды на государственную власть. Он считает, что церковь верит в необходимость всеобщей мировой власти, чтобы удержаться на Земле, и обвиняет папу в захвате земли и престола, а также в использовании меча. Князь Мышкин не настаивает на том, чтобы его любили, но он указывает всем на путь к спасению и призывает к доброте и

прощению. Его послание остается актуальным и в наши дни, напоминая нам о важности милосердия и понимания в нашей современной жизни. В.И. Экземплярский, в своей статье «Христианское юродство и христианская истина» обращает внимание на христианство князя Мышкина. Он называет его христианство «нецерковным» и прусско-интеллигентским, основой пассивной стороны христианства и подлинного юродства. Экземплярский указывает, что в сложной и тревожной жизни Мышкина его христианство становится бессильным и неспособным преобразить окружающую жизнь. Таким образом, исследования показывают, что юродство в творчестве Достоевского имеет множество значений и неоднозначность. Оно связано с высшей истиной, неразличением добра и зла, а также с мимикрией зла.[51, с.7].

Еще в первой части романа смыслообразующей нитью, связывающей образ героя Достоевского и образ Богочеловека, обнаруживается важнейший элемент – девственность главного героя. Уже в самом начале повествования, в эпизоде, когда князь вскоре после знакомства с Рогожиным находится в купе поезда с незнакомыми людьми, он не торопясь сознается ему в своей девственности и тут же Парфен Семенович говорит о юродстве Льва Николаевича:

«А до женского пола вы, князь, охотник большой? Сказывайте раньше!

- Я н-н-нет! Я ведь... Вы, может быть, не знаете, я ведь по прирожденной болезни моей даже совсем женщин не знаю.

- Ну, коли так, - воскликнул Рогожин, - совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких как ты бог любит!» [12, с.14]

Чуть позже, в доме генерала Епанчина, эта же причина озвучивается вновь, в контексте Настасьи Филипповны:

«А женились бы вы на такой женщине? – продолжал Ганя, не спуская с него своего воспаленного взгляда.

– Я не могу жениться ни на ком, я нездоров, – сказал князь» [12, с.32]

Мышкин всегда убежденно объяснял, что его болезненное состояние не позволяет ему вступить в брак, и эта причина никогда не вызывала сомнений у его сторонников. Однако исследователей неизменно поражал один факт: всего за один день, после того как Мышкин дважды заявил о своей непригодности к женитьбе, он неожиданно сделал предложение Настасье Филипповне выйти за него замуж, а уже через полгода он дополнительно стал женихом Аглаи Епанчиной.

Достоеведы заявляют, что Мышкин как мужчина практически не существует. Так, например, считает исследователь Борис Соколов: «Мышкин – чистый человек, в нем есть ангелическая природа. Он свободен от темной стихии сладострастия. <...> он по природе своей не способен к браку, к брачной любви. <...> У него нет и здорового сладострастия. Его любовь бесплотна и бескровна» [45, с.376]. Будучи взрослым человеком, Мышкин сохранил мироощущение ребёнка.

Присутствие в произведении юродивого героя есть этическая позиция иерархии духа, есть обращение к социуму и его призыв к диалогу.

Князь Мышкин, рассматривая портрет Настасьи Филипповны, говорит о том, что ему знакомо её лицо. Похожее ощущение испытывает и Барашкова по отношению к Мышкину. Эта деталь напоминает нам о диалоге Христа с евангельской блудницей, где женщину, взятую в прелюбодеянии книжники и фарисеи хотели закидать камнями, но Иисус, сын Божий, сказал – «Кто из вас без греха, первый брось на неё камень» [2, с.36]. И все осознанно ушли.

Такой подход к событиям помогает нам доказать юродство Мышкина. Также интересен момент, когда Мышкин смиренно принимает пощечину, данную ему Гаврилой Ардалионовичем Иволгиным. Мотив пощечины у Достоевского приводит нас к известной метафоре «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую», а также к эпизоду допроса Христа в Синедрионе, служащему иллюстрацией и разъяснением этой метафоры: «...если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» [2, с.1220].

Князь Мышкин, подобно Христу, не осуждает «блудницу» Мари, преподавая детям швейцарского селения уроки любви к Христу Спасителю и сталкиваясь при этом с мнением официальной церкви (в лице пастора) и деревенской общины. Девушку хотят закидать камнями. Этот эпизод напоминает нам о Марии Магдалине: «Мария Магдалина 1900 лет простояла у позорного столба, обливаемая грязью; но за это к позорному столбу надо было поставить нас самих» [16, с.539]. Смысл данной евангельской истории в пробуждении сострадания к согрешившей. Мышкину удается переубедить детей и побороть их враждебное отношение к нему и несчастной девушке, но взрослые отвергают учения Льва Николаевича. В России князь выполняет ту же функцию – научить социум добру и любви.

Настасья Филипповна, идентичная Мари, осуждена не только обществом, она и сама себя осуждает и тем самым не может поверить в то, что её, «блудницу», могут полюбить. Она отвергает «рай» христианского чувства «больного пророка», отправляясь в «ад» к страсти Парфена Рогожина. Местом сватовства и «жениховского» торга является гостиная Барашковой. Здесь ярко представлено противостояние между слабым юродивым и противниками - собрание грешников, представляющих собой полный срез «мира» (генерал, представитель столичной знати, купец, мелкие чиновники, служанки, приживалки, сама «блудница»). Внешняя «подпорка», таинственная информация, нежданно выходящая на свободу, – сказочное наследство Мышкина – отнюдь не позволяет ему преодолеть влечение «блудницы» в «ад». Внешняя «подпорка» и таинственная информация, неожиданно раскрывшаяся, помогает, вероятно, Настасье окончательно решиться объявить себя достойной семьи Рогожиных. Это наследство звучит здесь диссонансом, помрачая христианскую любовь: деньги и юродство, как истинное христианство, несовместимы.

Бегство Настасьи Филипповны с Рогожиным не является концом диалога: обсуждение души «блудницы» продолжается все время, затем приводит к завершению сцены после ее смерти. В темной душе Рогожина

давно зародилось чувство братства, которое он испытывает к Мышкину на фоне её тела. Звуки и отголоски больного пророка проявляются в этом братском чувстве. При условии раскаяния, встречается между земной и небесной иерархиями. Рогожин, важная фигура близкая по своему положению (каторжник), сближается с духовной иерархией. Сам Мышкин, поскольку приблизился к земной иерархии благодаря наследству (которое подтвердило его княжеский статус), отдаляется от нее в результате вновь приходящего помутнения в его сознании. Парадоксальное сближение Рогожина и Мышкина также выражается их противоположным движением друг от друга на географическом уровне: Рогожин идет в Сибирскую каторгу, а Мышкин возвращается на лечение в Швейцарию. У Достоевского нет безнадежных романов и безнадежных финалов по содержанию, несмотря на очевидные обстоятельства. В данном случае остается надежда на то, что Рогожин «заразился» блаженным безумием «пророка».

«У нас созданя веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, – тип всемирного боления за всех. Это – тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России» [11, с. 376] и этот тип является результатом универсального понимания любви, присущего Евангелию, а также представляет собой юродивого в представлении и изображении Достоевского. Не случайно эти слова принадлежат Версиллову из романа Федора Михайловича «Подросток», который носил цепи и стремился научиться страдать, чтобы иметь право на суд. Мотив пощечины («заушания») также повторяется в образе Версилова. Интересна заметка Достоевского, в которой Версиллов называется «идиотом» и где ему возложена роль странника и проповедника христианской идеи, спасительной для России. Версиллов все еще остается «идиотом» несмотря на возрастание мирских характеристик (европеец, интеллектуал, дворянин) – и это, разумеется, метафора.

Итак, образ князя Мышкина - это воплощение уникальных концепций, которые обыгрывает Ф.М. Достоевский в романе «Идиот». Встречаясь с прозаической реальностью, человек, который обладает подобной нравственной приверженностью, подвергается поражению. Итог духовного становления героя проявляется в его готовности пожертвовать собственной жизнью ради спасения ближних. Князь Мышкин «умирает», становится «идиотом», чтобы спасти других. Его духовная путаница аналогична его мученичеству. Погружение князя Мышкина в безумие является свидетельством того, что страсти людей достигли критической точки, остановить которую невозможно обычными обращениями. Естественные силы и законы становятся недействительными перед волной греха, которая продолжает приобретать скорость. Единственным способом остановить это является благодать - крест, сверхъестественное сострадание человечеству, и цена этого сострадания - смерть Мессии. Фамилия князя Мышкина напоминает по звучанию слово «машиах», что по-еврейски означает «Мессия». Педагогическая функция мученической смерти заключается в подтверждении феномена человеческой личности, которая свидетельствует о том, что ее земная форма может быть уничтожена, но сама личность - бессмертна. Князь Мышкин, в качестве апостола, учит нас, что человек сотворен для того, чтобы жить взаимной любовью с ближними. Смысл жизни заключается в любви. Как юродивый, князь Мышкин показывает, что любовь должна быть ненавязчивой. Часто, будучи любимым, он становится объектом насмешек и преследований. Как мученик, князь Мышкин свидетельствует о том, что его любовь к людям может быть уничтожена только вместе с ним самим. Разумеется, такое проявление любви, любви, сопровождающейся состраданием, остается непонятым и неприемлемым для современного мира.

2.3. Юродивый Алеша Кармазов в диалоге иерархий Достоевского

Обратимся к последнему роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» 1880 г., основной сюжет которого крутится вокруг трех братьев - Ивана, Алексея и Дмитрия Карамазовых, находящихся в поисках ответов на вопросы о происхождении всего сущего и о конечных целях человеческого бытия. В данном произведении принято считать юродивой Лизавету Смердящую, мать Павла Федоровича Смердякова, она хоть и была просто сумасшедшей от природы, но считается «божьем человеком». Она не заботится о себе и постоянно думает о других, помогая им и даря свою последнюю монетку. Ее простота и беззаботность притягивают людей, и они относятся к ней с уважением и добротой. Монах Ферапонт - «настоящий» юродивый, который юродствует сознательно, ориентируясь на старинные житийные образцы: «Очень многие чтили его как великого праведника и подвижника, несмотря на то, что видели в нем, несомненно, юродивого. Но юродство-то и пленяло». Более подробно остановимся на образе Алеши.

Алексей Фёдорович Кармазов, «ранний человеколюбец», один из главных персонажей романа Федора Достоевского «Братья Карамазовы», является уникальным и захватывающим образом. Подобно Мышкину, он отличается своей странностью и чудачеством, что сразу привлекает внимание окружающих. Алёша всегда готов погрузиться в проблемы своих ближних и оказать им помощь. По повелению монаха Зосимы, Алеша должен быть рядом с братьями и помочь им придти к миру. Его юродивая природа помогает ему быть связующим звеном между различными персонажами романа и пролить свет на их внутренний мир и конфликты. Простота и незрелость младшего Карамазова требуют посторонней подсказки, что говорит нам о его детском мышлении: «Алексей непременно из таких юношей, вроде как бы юродивых, которому попади вдруг хотя бы даже целый капитал, то он не затруднится отдать по первому даже спросу...». Достоевский создал образ, немного выходящий из персонажей, изгнанных из «райской жизни», которые были характерны для его предыдущих

произведений. В своем последнем романе «Братья Карамазовы» он создал новый тип героя, способного рассеять мглу этого мира. Исследователи отмечают, что Федор Михайлович черпал вдохновение из жития святого Алексия, которого глубоко почитали простые русские люди [28, с.369]. Этот святой также упоминается в «Золотой легенде» [3, с.567]. Михаил Осипович Ракитин, один из персонажей романа, иронически сравнивает Алёшу с этим святым. Алёша Карамазов - это герой, который воплощает в себе идеалы милосердия, сострадания и стремления к познанию жизни. Помимо того, что Алеша, как и Соня Мармеладова, как и князь Мышкин, готов всех простить и всем помочь, его образ привлекает нас своими внутренними противоречиями. Этот персонаж заставляет нас задуматься о смысле жизни, о наших отношениях с окружающими и о том, какими людьми мы хотим быть.

Слова Миусова об Алёше: «Вот, может быть, единственный человек в мире, которого оставьте вы вдруг одного и без денег на площади незнакомого в миллион жителей города, и он ни за что не погибнет и не умрёт с голоду и холоду, потому что его мигом накормят, мигом пристроят, и это не будет стоить ему никаких усилий и никакого унижения, а пристроившему никакой тягости, а может быть, напротив, почтут за удовольствие» [13, с.20]. В этой цитате выделяется такая традиционная черта юродства, как жизнь юродивого в социальном мире, на открытом пространстве, заботами чужих людей.

В отличие от Сони Мармеладовой и князя Мышкина, Алеша обладает отличным здоровьем, но при этом он ближе к традиционному образу юродивого. Одной из ключевых черт Алеши является его отдаленность от социальной иерархии. Он не привязан к ней и не занимает никакого определенного положения. В монастырской иерархии он также является временным послушником. В то время как Соня живет на общественной поддержке и Мышкин обладает титулом и наследством, Алеша остается свободным от таких социальных ограничений. Как и настоящий юродивый,

Алеша обладает способностью привлекать к себе любовь других людей. Он мог бы жить в свое удовольствие, так как не имеет никаких личных несчастий и несет на себе мало личного сюжета, в отличие от Сони и Мышкина. Однако благодаря своей безличной незаинтересованности, Алеша проявляет более осознанное и свободное действие своего юродства. Все герои романа, будучи испытанными князем Мышкиным, Алешей и Соней, откликаются на духовную красоту главного героя в зависимости от своей нравственной чистоты. Чем чище человек в моральном отношении, тем сильнее он привлекается к духовной прелестью юродивого.

Юродство у Ф.М. Достоевского - это необыкновенное состояние человеческого духа, желающего сказать то, о чем другие молчат:

« ... У меня вдруг как будто озарение... Озарение мое в том, что вы брата Дмитрия, может быть, совсем не любите... с самого начала... Да и Дмитрий, может быть, не любит вас тоже вовсе... с самого начала... а только чтит... Я, право, не знаю, как я всё это теперь смею, но надо же кому-нибудь правду сказать... потому что никто здесь правды не хочет сказать...» [13, с.174].

«-Вы... вы... вы маленький юродивый, вот вы кто! - с побледневшим уже лицом и скривившимися от злобы губами отрезала вдруг Катерина Ивановна»[13, с.175]

Согласно анализу литературоведа А. Б. Креницына, любовной истории между Иваном, Катериной Ивановной и Дмитрием присущи характерные для произведений Достоевского элементы мезальянса. В данном случае, героине приходится выбирать между обаятельным женихом (Иван) и «невозможным» партнером (Дмитрий). Второй треугольник, состоящий из Катерины Ивановны, Дмитрия и Грушеньки, также соответствует классической схеме Достоевского, где женщины-соперницы занимают аналогичные позиции. В этой схеме одна из них является красавицей, обладающей высоким статусом и безупречной репутацией (Катерина Ивановна), в то время как брак с другой был бы позором (Аграфена Александровна).

Любя в душе Ивана, Катерина Ивановна непрерывно пытается скрыть свои истинные чувства, притворяясь, что любит Дмитрия, дабы избавить себя от непреодолимого чувства унижения, которое сопровождает ее с момента, когда она предложила себя в жертву, чтобы спасти отца. Беседа превращается в насильственное представление, печальное для всех вовлеченных сторон. Но внезапно, Алеша, охваченный глубоким волнением и борясь за каждое дыхание, заявляет, что Катерина Ивановна оказывает намеренное заблуждение другим, будто она действует «как на театре в комедии». Присутствие Алеши Карамазова очищает и наполняет жизнь окружающих людей смыслом. Вместе с ним, в мрачный и беспокойный мир Скотопригоньевска проникает свет Истины, изменяет его суть. Не случайно Алешу называют «ангелом» и «херувимом». Алеша всегда особенно относился к истине. В его душе пребывает непоколебимая эссенция истины, которая не только никогда не обманывает, но и говорит только то, что есть на самом деле. И это выражается через религиозный опыт, через истинное «озарение». Но внезапно, ситуация воспринимается с новой перспективой, и на первый план выступает нечто ранее неосознанное, но теперь приобретающее одинаковую важность. Алеша излучает некую посланническую силу своими речами, потому что внутри него таится непобедимая потребность выразить правду. Эту «правду» Бог глаголит устами Алеши. Она обладает спасительной силой и доступна только через изменение своего образа мышления, через искреннее отречение от внутреннего сопротивления Богу и преодоление гордыни. Для Алеши «озарение» - высшая духовная задача, и передать ее в словесной форме - это исполнение его задачи на земле.

Разговор Алеши и Ивана о виновности их брата Дмитрия в смерти отца является одним из ключевых моментов в романе «Братья Карамазовы». В этой сцене обнаруживается глубокое проникновение Алёши в человеческую природу и его способность видеть и понимать тайны и противоречия души.

« - Ты говорил это себе много раз, когда оставался один в эти страшные два месяца, – по-прежнему тихо и раздельно продолжал Алеша. Но говорил он уже как бы вне себя, как бы не своею волей, повинуюсь какому-то непреодолимому велению. – Ты обвинял себя и признавался себе, что убийца никто как ты. Но убил не ты, ты ошибаешься, не ты убийца, слышишь меня, не ты! Меня Бог послал тебе это сказать»[14, с. 40]

Одна из ключевых мыслей в этом диалоге заключается в том, что убийство не берет начала в нас, оно не порождено суверенностью нашего решения. Алеша, обладая пророческим дарованием, осознает, что убийство, о котором идет речь, не исходит из Ивана. Он не является инициатором этого преступления, а скорее становится жертвой соблазна, внушенного дьяволом. Эта идея важна, потому что она развенчивает миф о том, что мы можем полностью контролировать свои поступки и решения. Иногда мы оказываемся в ситуациях, когда наше суждение ослабевает, а мы становимся уязвимыми перед искушениями. Однако, важно понимать, что это не оправдание для совершения зла. Великий инквизитор, упомянутый в произведении, является символом высокомерия и самонадеянности. Он присваивает себе право распоряжаться добром и злом, играя роль богохульника. Однако, Иван понимает, что он не является этим «великим инквизитором», и что идея убийства не зародилась в нем. Это был дьявол, который соблазнил его. Он просто стал жертвой искушения, и в этом есть надежда на спасение через раскаяние. Если бы он действительно был «великим инквизитором», полностью поглощенным злом, то он был бы потерян и безнадежно предан отчаянию. Однако, Ивану открыт путь к спасению. Он может обратиться к раскаянию, понимая, что он всего лишь человек, совращенный дьяволом. Это открывает возможность для личного роста и преодоления внутренней борьбы. Итак, мы видим, что фраза «убийство не берет начала в тебе» имеет глубокий философский смысл. Она напоминает нам о нашей ответственности за свои поступки, но также о том, что мы не всегда полностью контролируем их. Важно помнить, что мы всего

лишь люди, подверженные искушениям, и что путь к спасению лежит через осознание и раскаяние.

Алеша говорит, что даже если Дмитрий был бы виновен, это не должно помешать им любить его и прощать. Младший Карамазов понимает, что истина не всегда может быть уловлена логически, и что духовные ценности, такие как любовь и прощение, являются более важными, чем вопросы виновности или невиновности. Это отсылает нас к всепрощению, свойственному Достоевскому юродивому.

Выводы:

Итак, юродство в творчестве Ф.М. Достоевского является уникальным и сложным понятием, которое привлекает внимание многих исследователей. Исследуя социально-психологические аспекты юродства, мы приходим к выводу, что Ф.М. Достоевский предельно глубоко погружается в своей художественной рефлексии в проблематику духовного юродства и раскрывает различные грани бытия юродивых в современную ему эпоху. Постижение юродства в качестве и эстетической, и этической категории свидетельствует, что оно обнаруживает в себе такие качества, как наивность, комизм, честность, искренность, нравственная чистота, но при этом сопряжено с неумением выстраивать социальные контакты, что вызывает эффект поведенческой «нелепости» в поступках героев-юродивых. Такие герои как Соня Мармеладова, князь Мышкин, и Алеша Карамазов, являются носителями христианского мироощущения и воплощают идеалы юродства. Они не делают мир и людей лучше, но они отстаивают существование другого мира, где есть добро, любовь и радость, а также они являются типичными представителями интеллигентского и этического юродства.

Терпимость юродивых герою Ф.М. Достоевского серьезно отграничивает их от привычных православных юродивых, отрицавших любые компромиссы с греховным земным миром. При этом онтологический и религиозный максимализм оказывается чуждым художественной

реальности Ф.М. Достоевского. Отсутствие глубокого жизненного опыта у князя Мышкина и Алеши Карамазова не только не препятствует их «вчувствованию» в психологию человека, но, напротив, открывает путь интуиции, которая позволяет этим героям уяснить сущность микрокосма других людей, их чаяния и страдания, что осознается писателем как мощное и важнейшее противодействие греховной разобщенности человеческого мира. «Юродствующие» герои Ф.М. Достоевского при этом не склонны к осуждению других. Наоборот, они всматриваются в собственную душу, обнаруживают в ней пороки и вступают в духовный поединок с собственным греховным «я». Так, Соня Мармеладова определяет себя как «великую грешницу». Князь Мышкин уличает себя в двойственности и греховных «двойных мыслях». Алеша Карамазов сопереживает своему брату Дмитрию, темные страсти которого ему вполне ясны, так как и сам он находится на том же человеческом пути, что его порочные братья. Очевидно, что персонажи Ф.М. Достоевского постоянно отклоняются от традиционных религиозных траекторий юродства, но при этом их поступки и духовный выбор всегда основаны на принципах морали и духовности, проповедуемые юродивыми.

Для Достоевского важно, чтобы голос героя соответствовал позиции Бога в моральном выборе. Он считает, что внешний облик религиозного человека не всегда отражает его нравственность. Жизнь приводит много примеров, когда люди, кажущиеся религиозными, на самом деле не следуют нравственным принципам. В то же время, святые люди могут быть преследуемыми и не признаваемыми обществом, но их нравственность остается непоколебимой. Этому герою мы и называем юродивым. Достоевский также показывает, что истинная вера и духовность могут быть источником нравственности и преображения человека. Юродивые герои романов Федора Михайловича находят в своей вере силу и вдохновение для борьбы с собственными слабостями и совершения добрых дел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юродство как особый социально-религиозный феномен является серьезным фактором формирования духовно-нравственных основ русской культуры. Встраиваясь в психологический архетип русского народа, юродство ценностно возвысило идеи мученичества и страдальческой стези человека, которые можно воспринимать в качестве специфических черт русского бытийного самоопределения в истории и в современности. Юродивые брали на себя подвиг, чтобы усмирить самих себя и, одновременно, оказывать сильное воздействие на людей, поскольку обычная проповедь вызывала равнодушие у населения. Однако юродивые были непоняты социумом, отчего и появилось новое значение у данного понятия в словарях – глуповатый, чудаковатый.

Ф.М. Достоевский, обладая глубоким пониманием юродства, исследует значимость данного явления во всех его антиномиях, репрезентируя в своих романах персонажей одновременно и предельно отрицательными, и отчетливо положительными. Юродство в поэтике Ф.М. Достоевского является одним из магистральных мотивов конструирования художественного мира. Персонажи произведений писателя поддаются отчетливой градации по степени их юродства. С одной стороны, выделяются те герои, которых сам автор определяет в качестве юродивых, а с другой – обнаруживаются персонажи, юродство которых носит периферийный характер и проявляется в определенных сюжетных ситуациях. В образах некоторых персонажей мотивы юродства проявляются мгновенно, ситуативно, напоминая о внутренних, скрытых чувствах, мыслях и качествах, которые традиционно подавляются моральными ограничениями, правилами этикета, законами, страхами и так далее. При этом психологические «надрывы» в сюжетостроении романов Ф.М. Достоевского часто определяются появлением юродствующего персонажа или явлением «юродивой» речи, посредством которой обнажается сущность конфликтных противоречий или эксплицируется истинное состояние изображаемого мира.

Это свидетельствует, что юродство является не только тематической единицей поэтики Ф.М. Достоевского, но и архитектурно интегрировано в образную систему его произведений, обуславливая и мотивный, и сюжетный, и композиционный, и идейно-тематический планы текстостроения.

Юродивые Достоевского живут среди людей, но отказываются от житейского разума, гордости и самолюбия. Соня Мармеладова, Лизвета Ивановна, князь Мышкин и Алеша Карамазов проповедуют истинное христианство и всепрощение. Юродство этих персонажей Ф.М. Достоевского обуславливает христианское принятие человечества и любовное сострадание людям как таковым. Юродивые Достоевского смиренно проходят свои мученические испытания. Они пытаются исправить мир своими проповедями, возрождая духовность окружающих людей. Но при этом оказываются беспомощными и униженными в этом мире, они призираются обычным людом, носят скромную одежду и обладают детскостью мышления. Эти характеристики отличают истинного юродивого героя Ф.М. Достоевского в его вечных произведениях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архангельский, А.Н. Поэт – история – власть («Борис Годунов» А.С. Пушкина) // Пушкин и современная культура: Сборник статей / науч. Совет по истории мировой культуры / А.Н. Архангельский – Москва: Наука, 1996. - 137 с. - ISBN 5-02-011235-6.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2010. - 1376 с. - ISBN 978-5-88017-134-7.
3. Ворагинский, И. Золотая легенда. Жития святых (пер.: Рохмистров В.Г.) / И. Ворагинский. – Москва: Изд-во Пальмира, 2018. - 750 с.
4. Григоренко, А. Ю. Колдовство и колдуны на Руси // Сатана там правит бал. Критические очерки магии / А.Ю. Григоренко – Киев: Изд-во Украина, 1991. - 301 с. - ISBN 5-319-00427-3.
5. Гроссман, Л.П. Пушкин (Жизнь замечательных людей. Серия биографий) / Л. П. Гроссман - 3-е изд. - Москва: Изд-во Мол. гвардия, 1960. - 527 с.
6. Гроссман, Л.П. Путь Достоевского // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921: сб. стат. и мат. / Л.П. Гроссман. – Одесса: Всеукр. гос. изд-во, 1921. - 270 с.
7. Гуковский, Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г.А. Гуковский – Москва: Гослитиздат, 1957. – 416 с.
8. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. В 4 т. Т. 4 / В.И. Даль - 2-е изд., испр. - Санкт-Петербург: Изд-во М.О. Вольф, 1880-1882. – 704 с.
9. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя: Избр. страницы / Ф. М. Достоевский (Сост., авт. вступ. ст., с. 5-34, и коммент. Б. Н. Тарасов). - Москва: Современник, 1989. - 555 с. - ISBN 5-270-00104-7.
10. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 6 «Преступление и наказание» / Ф. М. Достоевский. - Ленинград: Наука.

Ленингр. отделение, АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. дом) 1973. - 422 с.

11. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 13. «Подросток» / Ф. М. Достоевский - Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. дом), 1975. - 458 с.

12. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 8. «Идиот» / Ф. М. Достоевский - Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. дом), 1973. - 514 с.

13. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 14 «Братья Карамазовы» Книги I –X / Ф. М. Достоевский. - Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. дом), 1976. - 511 с.

14. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 15 «Братья Карамазовы» Книги XI – XII. Рукописные редакции романа «Братья Карамазовы» / Ф. М. Достоевский - Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. дом). 1976. - 624 с.

15. Житие Прокопия Устюжского, Разночтения даны по: РГБ, Отдел рукописей, ф. 205, ед. 304. Конец XVI в. 4. - 125 с.

16. Забияко, А.П. Энциклопедия религий / А.П. Забияко, Е.С. Элбакян - Москва: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. – 1520 с. - ISBN 978-5-8291-1084-0.

17. Затворник, Ф. Толкование на I послание к Коринфянам. – Москва: Правило веры, 2006. – 124 с.

18. Иванов, С. А. Византийское юродство / С.А. Иванов. – Москва: Международные отношения, 1994. – 234 с. - ISBN 5-7133-0761-1.

19. Иванов, В. В. Безобразие красоты. Достоевский и русское юродство: монография / В.В. Иванов. - Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1993. – 151 с. - ISBN 5-230-08946-6.

20. Иванов, В. В. Достоевский. Эстетика и поэтика: словарь-справочник / Шут (шутовство), сост. и науч. ред. Г.К. Щенников /

В.В.Иванов - Челябинск: Изд. ЧелГУ; Металл, 1997. – 272 с. - ISBN 5-87324-042-6.

21. Карамзин, Н. М. Полное собрание сочинений. В 18 т. Т. 1: История государства Российского / Н. М. Карамзин. - Москва: Изд. ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – 623 с.

22. Карякин, Ю. Ф. Достоевский и канун XXI века / Ю.Ф. Карякин. – Москва: Изд-во: Советский писатель, 1989. – 693 с. - ISBN 5-265-00476-9.

23. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций / Т.А. Касаткина - Москва: Наследие, 1996. - 336 с. - ISBN 5-201-13253-7.

24. Ключевский, В. О. Русская история: полный курс лекций в трех книгах / В. О. Ключевский. - Москва: Мысль, 1993. – 558 с. - ISBN 5-244-00733-5.

25. Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви / Священник Иоанн Ковалевский – 3 изд. – Москва: Изд. книгопродавца А.Д. Ступина, 1902. - 284 с.

26. Ковалевский, И. Подвиг юродства / Священник Иоанн Ковалевский. - Москва: Изд-во. испр. и доп. Лепта: Горизонт Консалитнг Лтд., 2000. - 380 с. - ISBN 5-94000-011-8.

27. Кологривов, И. В. Очерки по истории русской святости / И. В. Кологривов - Италия: Изд-во ISTINA, 1991. - 429 с.

28. Кэнноскэ, Н. Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского / Н. Канноскэ. Пер. с яп. А.Н. Мещерякова. – Санкт-Петербург.: Изд-во Гиперион, 2011. - 400 с. - ISBN 978-5-89332-178-4.

29. Лихачев, Д. С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М Панченко, Н.В Поньрко. – Ленинград: Наука, 1984. – 295 с.

30. Лотман, Ю. М. Пушкин: Очерк творчества Биография писателя. Статьи и заметки, 1960—1990. // Ю. М. Лотман. - Санкт-Петербург: Изд-во «Искусство – СПб», 2003. - 160 с. - ISBN 5-210-01483-5.

31. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман - Москва: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. - 272 с. - ISBN 5-01-003843-9.
32. Мотеюнайте, И. В. Образ юродивого в исторических драмах (А.С. Пушкин и А. Н. Островский) / И. Пушкин и русская драматургия / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак / И.В. Мютенайте. – Москва: Изд-во Диалог-МГУ, 2000. – 112 с.
33. Недоспасова Т. А. Русское юродство XI–XVI вв. / Недоспасова Т.А. - Москва: Изд-во ЛитРес, 1997. - 128 с. - ISBN 5-85767-113-2.
34. Непомнящий, В. С. Пушкин: избранные работы 1960х -1990х гг. В 2 т. Т. 1. Поэзия и судьба / В. С. Непомнящий. - Москва: Моск. учеб., Библиотека МГПУ. 2001. - 494 с. - ISBN 5-8455-0031-1.
35. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; под общ. ред. Л. И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. - Москва: Изд-во «Мир и Образование»: ОНИКС, 2012. – 1375 с.- ISBN 978-5-488-02732-9.
36. Островский, А. Н., Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский / А.Н. Островский. Под общ. ред. Г. И. Владыкина, А. И. Ревякина, В. А. Филиппова. - Москва: гос. Изд-во худ. лит-ры, 1960. - 590 с.
37. Островский, А. Н. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. Козьма Захарыч Минин – Сухорук / А.Н. Островский. Под общ. ред. Г. И. Владыкина, А. И. Ревякина, В. А. Филиппова. - Москва: гос. Изд-во худ. лит-ры, 1959. - 430 с.
38. Померанц, Г. С. Страстная односторонность и бесстрастие духа (Серия «Российские Пропилеи») / Г.С. Померанц. – 2-е изд. испр. - Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 618 с. - ISBN 978-5-98712-154-2.
39. Потенбня, А. А. Слово о полку Игореве / Текст и примеч. А. А. Потенбня.– («Филологические записки»). – Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1878. - 233 с.

40. Пушкин, А. С. Борис Годунов; (Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева; Обл. и рис. Н. Купреянова) / А.С. Пушкин. - Москва; Петроград: Гос. Изд-во, 1923. – 285 с.

41. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. Письма В. А. Жуковскому. 25 - 30 декабря 1816 г. В Петербурге / А.С. Пушкин. - Ленинград: Изд-во Наука. Ленингр. отделение, 1979. - 910 с.

42. Сараскина, Л. И. Бесы: роман-предупреждение / Л.И. Сараскина. - Москва: Сов. писатель, 1990. – 478 с. - ISBN 5-265-01528-0.

43. Семёнов, А. В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я» / А.В. Семенов. - Москва: Изд-во.: «ЮНВЕС», 2003. – 704 с.

44. Соболевский, А. И. Журнал Министерства народного просвещения / А.И. Соболевский. - Санкт-Петербург: Изд-во Тип. В.С. Балашева и К., Ч. 293. [№ 5] май, седьмое десятилетие, 1894. - 384 с.

45. Соколов, Б. В. Расшифрованный Достоевский. Тайны романов о Христе / Б.В. Соколов. - Москва: Изд-во Эксмо, 2007. - 512 с. - ISBN 978-5-699-21498-3.

46. Успенский, А. И. Подлинник иконописный / под ред. А.И. Успенского. - Москва: Издание С.Т. Большакова; Тип. А.И. Снегиревой, 1903. - 184 с.

47. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. - Москва: Изд-во Альта - Принт: Дом. XXI век, 2008. - 510 с. - ISBN 978-5-98628-123-0.

48. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. Т. 4 / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева - 4-е изд., стер. - Москва: Изд-во Астрель: АСТ, 2007. - 865 с. - ISBN 5-17-013347-2

49. Филимонов, Г. В. Сводный иконописный подлинник XVIII века / Г.В. Филимонов. - Москва: Изд-во Общество древнерус. искусства, 1874 (обл. 1876). - 435 с.

50. Филиппова, Н. Ф. Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов» / Н.Ф. Филиппова. - Москва: Книга, 1972. – 142 с.

51. Экземплярский, В. И. Христианское юродство и христианская истина // К вопр. о смысле жизни / В.И. Экземплярский. - Киев: журн. «Христианская мысль», 1916. - 34 с.